

## КОММЕНТАРИЙ К РЕШЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ОТ 30 МАРТА 2023 ГОДА ПО ДЕЛУ «НЕКОТОРЫЕ ИРАНСКИЕ АКТИВЫ (ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН ПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ)»

ПОЛЬШАКОВА В. В.

Польшакова Виктория Владимировна — младший юрист, коллегия адвокатов «Ковалёв, Тугуши и Партнёры»<sup>1</sup>, Москва, Россия (polshakovavv@yandex.ru). ORCID: 0009-0008-8121-839X

### Аннотация

В статье проводится анализ решения Международного Суда по делу «Некоторые иранские активы (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки)» (англ.: *Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*), которое касается предполагаемых нарушений Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах, заключенного между США и Ираном 15 августа 1955 года, допущенных со стороны США. Автор рассматривает особенности и исторические предпосылки законодательной политики США в сфере борьбы с терроризмом, а также акты законодательных и исполнительных органов власти США, установившие ограничительные меры в отношении Ирана. Несмотря на то что на сегодняшний день существует около трехсот многосторонних и двусторонних договоров, предусматривающих юрисдикцию Суда в случае возникновения спора, за последнее время только несколько споров, связанных с экономическими санкциями, дошли до Суда, что делает настоящее решение особенно ценным. В статье проводится анализ аргументации Суда, в том числе вопросов о юрисдикции и приемлемости ввиду юридического статуса Центрального банка Ирана, а также вопроса исчерпания внутренних средств защиты. Автор приходит к выводу, что Суд склонился к консервативному пониманию статуса Центрального Банка как государственного органа, предложив четкие разъяснения относительно понимания природы центральных банков в международном праве. При этом в статье также обсуждаются вопросы о статусе и применимости доктрины «чистых рук» в международном праве, доктрины злоупотребления правом, исключениях, связанных с производством оружия и соображениями безопасности, а также о правосубъектности иранских компаний и дискриминации. Особенностью решения автор считает и то, что Суд рассмотрел вопросы международного инвестиционного права, в частности стандарты справедливого и равного обращения и разумности. Автор приходит к выводу, что Суд применил стандарт разумности в качестве теста для определения незаконности экспроприации, отклонившись от стандарта, принятого в международном праве. В статье также обсуждаются особые мнения и декларации, написанные тринадцатью из пятнадцати судей. Наконец, автор статьи задается вопросом, являются ли выводы, сделанные Судом по данному делу, строгим очерчиванием рамок экономических санкций или же осторожной попыткой поиска равновесия между правовым и справедливым.

### Ключевые слова

экономические санкции, ограничительные меры, Международный Суд, юрисдикция Международного Суда, американо-иранский конфликт, иммунитеты государств

**Для цитирования:** Польшакова В. В. Комментарий к решению Международного Суда от 30 марта 2023 года по делу «Некоторые иранские активы (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки)» // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2023. Т. 1. № 3. С. 98–111.

<https://doi.org/10.17323/jil.2023.18752>

### Введение

Вынесенное 30 марта 2023 года решение Международного Суда (далее — Суд) по делу *Некоторые иранские активы*, в котором главный орган международного правосудия ООН рассмотрел применение Соединенными Штатами Америки односторонних экономических санкций<sup>2</sup> по отношению к Исламской Республике Иран, по праву можно считать одним из самых знаковых в практике Суда за последнее время.

14 июня 2016 года Иран подал иск против США в Международный Суд, утверждая, что США нарушили положения Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах (далее — Договор о дружбе, Договор)<sup>3</sup>, а также нормы международного права о государственном иммунитете, разрешив частным лицам подавать иски против Ирана и арестовав иранские активы.

<sup>1</sup> Место работы автора, актуальное на момент принятия статьи к публикации.

<sup>2</sup> Термины «экономические санкции» и «ограничительные меры» используются в статье как синонимичные.

<sup>3</sup> Treaty of Amity, Economic Relations, and Consular Rights Between the United States of America and Iran, 15 August 1955, UNTS 284, 93 (Treaty of Amity). URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/Treaty-of-Amity-Economic-Relations-and-Consular-Rights-between-the-United-States-of-America-and-Iran-Aug.-15-1955.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

Иск был подан вскоре после решения Верховного суда США по делу «Банк Маркази против Питерсона» (англ.: *Bank Markazi v. Peterson*), которое утвердило право жертв террористических атак на иски против Центрального Банка Ирана Маркази (далее — Банк Маркази, Банк, Центробанк) и обращение взыскания на его активы.

За последние несколько десятилетий США не только открыли дорогу подобным искам в своих национальных судах, но также использовали ряд экономических и законодательных механизмов для поддержания жесткой санкционной политики в отношении Ирана. В своем последнем решении по делу *Некоторые иранские активы* Суд встал на сторону Ирана и не согласился с необоснованными и дискриминационными ограничениями, введенными США в отношении иранских компаний, признав нарушение Договора о дружбе 1955 года.

В связи с этим возникает вопрос: может ли государство, обратившееся в Международный Суд, успешно оспорить введение экономических санкций? И каким образом должны сойтись звезды, чтобы оспаривание было успешным по ключевым элементам любого спора — юрисдикции и материально-правовым нормам?

## 1. Фактические обстоятельства дела

В основе иска Ирана лежал аргумент о нарушении положений Договора о дружбе со стороны США. Примечательно, что данное дело стало уже четвертым по счету, отсылающим к положениям данного Договора<sup>4</sup>.

Претензии Ирана были основаны на Договоре о дружбе и поданы в отношении нескольких актов, принятых органами законодательной и исполнительной власти США в связи с предполагаемой причастностью Ирана к террористическим действиям в качестве государства — спонсора терроризма.

Введение ограничительных мер США по отношению к Ирану началось после захвата американского посольства 7 ноября 1979 года: группа радикально настроенных иранских студентов 444 дня держала в заложниках 52 человека. Спустя неделю после захвата США объявили о введении ряда ограничительных мер, включая заморозку активов Правительства Ирана, в том числе Центрального Банка Ирана, в банках США<sup>5</sup>. 7 апреля 1980 года США разорвали дипломатические отношения с Ираном и запретили любым лицам, находящимся под юрисдикцией США, участвовать в финансовых операциях с Ираном<sup>6</sup>. После освобождения заложников в рамках мирных переговоров только часть ограничений была снята<sup>7</sup>. Таким образом, несмотря на проведение экономических<sup>8</sup> и военных<sup>9</sup> операций в целях скорейшего освобождения американских граждан, к желаемому результату данные меры не привели.

В 1983 году в результате атаки на казармы американских миротворцев в Бейруте санкции против Ирана были введены вновь. Вскоре после этого, 19 января 1984 года, Государственный департамент США внес Иран в список государств — спонсоров терроризма<sup>10</sup>. Впоследствии США предприняли ряд шагов, направленных на предоставление жертвам террористических атак возможности обращаться с иском в национальные суды против государств, спонсирующих терроризм. В 1996 году в Закон об иммунитете иностранных государств (далее — FSIA<sup>11</sup>) была внесена поправка о терроризме (англ.: *terrorism exception*)<sup>12</sup>, закрепившая возможность пренебрегать юрисдикционным иммунитетом иностранного государства — спонсора терроризма

<sup>4</sup> ICJ. *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran (Tehran Hostages) (United States v. Iran)*. Merits. Judgment of 24 May 1980 // I.C.J. Reports 1980. P. 3; ICJ. *Aerial Incident of 3 July 1988 (Iran v. United States)*. Order of 22 February 1996 // I.C.J. Reports 1996. P. 9; ICJ. *Oil Platforms (Iran v. United States)*. Merits. Judgment of 6 November 2003. ICJ Reports 2003. P. 161.

<sup>5</sup> Executive Order 12170 (November 14, 1979).

<sup>6</sup> Executive Order 12205: Prohibiting certain transactions with Iran (April 7, 1980); Economic Sanctions Against Iran. Message to the Congress Reporting U.S. Actions (April 14, 1980).

<sup>7</sup> Executive Order 12282: Revocation of Prohibitions against Transactions Involving Iran (January 19, 1981).

<sup>8</sup> Executive Order 12170: Prohibiting Certain Transactions with Iran (November 14, 1980).

<sup>9</sup> В частности, речь идет об операции «Орлиный коготь», проведенной вооруженными силами США в апреле 1980 года. Операция не увенчалась успехом и повлекла смерть 16 человек.

<sup>10</sup> State Sponsors of Terrorism. URL: <https://www.state.gov/state-sponsors-of-terrorism/> (дата обращения: 27.11.2023).

<sup>11</sup> Foreign Sovereign Immunities Act. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2011-title28/html/USCODE-2011-title28-partIV-chap97.htm> (дата обращения: 27.11.2023).

<sup>12</sup> 28 U.S. Code § 1605A - Terrorism Exception to the Jurisdictional Immunity of a Foreign State. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2011-title28/html/USCODE-2011-title28-partIV-chap97.htm> (дата обращения: 27.11.2023).

при наличии гражданско-правовых требований о возмещении денежных убытков, выдвинутых субъектами, находящимися под юрисдикцией США.

В том же году в соответствии с Актом о санкциях в отношении Ирана и Ливии 1996 года (далее — ILSA<sup>13</sup>) США наложили ограничения на компании, ежегодно инвестировавшие более 40 миллионов долларов в нефтегазовые отрасли. Введенные санкции впервые коснулись не только компаний США, но и компаний из третьих стран, что породило споры о легальности экстратерриториальной природы данного акта<sup>14</sup>.

Следующим санкционным механизмом стал Закон о страховании от террористических рисков (далее — TRIA<sup>15</sup>), принятый США в 2002 году. TRIA разрешил применять меры по обеспечению исполнения судебных решений, вынесенных в соответствии с поправкой 1996 года к FSIA. Важно отметить: TRIA предусматривает, что активы организации, обозначенной как «террористическая», подлежат изъятию или аресту в целях исполнения решений судов.

В 2001 году жертвы атаки в Бейруте подали иск к Ирану в деле «Петерсон против Ирана» (англ.: *Peterson v. Islamic Republic of Iran*). Хотя Иран отрицал свою причастность к событиям 1983 года, окружной суд США в 2003 году признал Тегеран ответственным за произошедшее. В одном из постановлений суда говорилось, что посол Ирана в Сирии вступил в контакт с активным сторонником исламской революции, которому передал распоряжение иранских властей организовать взрыв казарм миротворцев<sup>16</sup>. Таким образом, в своем решении суд заявил о необходимости выплаты компенсации семьям пострадавших в размере почти трех миллиардов долларов.

После одиннадцати лет жесточайшей санкционной политики в отношении Ирана США издали исполнительный указ № 13599 от 5 февраля 2012 года «Блокирование имущества правительства Ирана и иранских финансовых учреждений» (англ.: *Blocking Property of the Government of Iran and Iranian Financial Institutions*), в силу которого все активы иранского правительства, в том числе активы Банка Маркази и других финансовых учреждений, находящихся в пределах юрисдикции США, были заблокированы.

Следующим крупным санкционным механизмом стало принятие Конгрессом США закона «О снижении угрозы со стороны Ирана и правах человека в Сирии» (англ.: *Iran Threat Reduction and Syria Human Rights Act*), в соответствии с которым активы Банка Маркази были арестованы для удовлетворения заочных решений судов США против Ирана<sup>17</sup>. Несмотря на то что Банку Маркази почти удалось оспорить введенные меры в деле «Банк Маркази против Петерсона», Верховный суд одобрил использование активов Центробанка на сумму почти 1,75 миллиарда долларов в соответствии с поправкой FSIA о терроризме с целью обеспечить исполнение судебных решений, вынесенных в пользу жертв терроризма.

Результатом этих событий стала подача Ираном 14 июня 2016 года иска против США в Международный Суд.

## 2. Об оспаривании санкций в Суде: вопросы юрисдикции и приемлемости

На сегодняшний день существует около трехсот многосторонних и двусторонних договоров, предусматривающих юрисдикцию Суда в случае возникновения спора<sup>18</sup>. Впрочем, когда дело касается экономических санкций, ответ никогда не лежит на поверхности: в международном праве существует неопределенность относительно юридических требований к введению ограничительных мер и возможных аргументов в пользу их введения.

<sup>13</sup> Iran and Libya Sanctions Act.

<sup>14</sup> *Research Handbook on UN Sanctions and International Law* / ed. by L. van den Herik. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2016; Meyer J. A. *Second Thoughts on Secondary Sanctions*. University of Pennsylvania Journal of International Law. 2009. Vol. 30. P. 905–968.

<sup>15</sup> Terrorism Risk Insurance Act (TRIA) of 2002. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-107publ297/html/PLAW-107publ297.htm> (дата обращения: 27.11.2023).

<sup>16</sup> *Peterson v. Islamic Republic of Iran*. Civil Action № 01-2094 (RCL). Civil Action № 01-2684 (RCL) United States District Court. D. Columbia. §54.

<sup>17</sup> Iran Threat Reduction and Syria Human Rights Act. URL: <https://www.congress.gov/112/plaws/publ158/PLAW-112publ158.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

<sup>18</sup> Treaties. URL: <https://www.icj-cij.org/treaties> (дата обращения: 27.11.2023); Handbook on Accepting the Jurisdiction of the International Court of Justice. URL: [https://legal.un.org/avl/pdf/rs/other\\_resources/Manual%20sobre%20la%20aceptacion%20jurisdiccion%20CIJ-ingles.pdf](https://legal.un.org/avl/pdf/rs/other_resources/Manual%20sobre%20la%20aceptacion%20jurisdiccion%20CIJ-ingles.pdf) (дата обращения: 27.11.2023).

За последнее время лишь несколько судебных споров, связанных с экономическими санкциями, дошли до Международного Суда. Как уже отмечалось, Иран инициировал два дела против Соединенных Штатов: первое из них, касавшееся суверенного иммунитета, — в 2016 году, а второе — о санкциях, вновь введенных после выхода Соединенных Штатов из Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе, — в 2018 году. В иске Ирана по последнему делу содержится просьба к Суду обязать Соединенные Штаты отменить все санкции. В постановлении о временных мерах от 3 октября 2018 года Суд десятки раз заключает термин «санкции» в кавычки, не давая ему определения, но, очевидно, имея в виду все меры, на которые жалуется Иран<sup>19</sup>.

Еще одно дело было инициировано Катаром против Объединенных Арабских Эмиратов. По утверждению катарской стороны, экономическое эмбарго и другие принудительные меры, введенные против Катара ОАЭ и другими странами Персидского залива, нарушают права Катара и катарских граждан в соответствии с Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации<sup>20</sup>.

## 2.1. Статус Банка Маркази

В своем решении от 30 марта 2023 года в деле об *иранских активах* Суд вернулся к вопросу о юрисдикции<sup>21</sup> и определил, что у него отсутствует юрисдикция в отношении требований Ирана, касающихся предполагаемых нарушений Договора о дружбе со стороны США, затронувших Банк Маркази. США успешно доказали, что Банк Маркази не является «компанией» по смыслу Договора, и, следовательно, не защищен Договором. Это юрисдикционное определение имело особое значение, поскольку оно охватывало активы на сумму около 1,75 миллиарда долларов, что составляло большую часть общих денежных требований Ирана.

Иран настаивал на том, что на активы распространяется иммунитет в соответствии с международным обычным правом, так как они представляют собой государственную собственность. В то же время иранская сторона утверждала, что Центральный банк является компанией по смыслу Договора о дружбе, в связи с чем на него распространяются гарантии, предоставляемые Договором. Таким образом, особенность аргументации Ирана заключалась в двойственном представлении правового статуса Центробанка для целей его квалификации в качестве компании.

Относительно характера деятельности Банка Иран заявил следующее. Во-первых, Банк Маркази не только выполняет суверенные функции, свойственные любому центральному банку, но и в то же время занимается другой финансовой и банковской деятельностью, коммерческой по своей природе и идентичной той, что выполняют частные компании. Во-вторых, Иран сослался на инвестиционную деятельность Банка и ценные бумаги, хранившиеся на депозитарном счете в Ситибанке в Нью-Йорке. По мнению Ирана, для характеристики деятельности как коммерческой, нужно рассматривать именно *природу* такой деятельности, а не ее основополагающую цель.

США, в свою очередь, заявили о том, что при принятии решения о квалификации статуса Банка Маркази Суду стоит опираться на заявления, сделанные самим Банком. Они также сочли, что покупка Банком гарантийных прав в облигациях относится к осуществлению Ираном функции управления валютными резервами, то есть к суверенной функции, а не коммерческой. В своем решении Суд отметил, что, несмотря на коммерческий характер покупки Банком облигаций на рынках США, этого недостаточно для квалификации деятельности Банка как коммерческой. Помимо этого, Суд посчитал, что при оценке характера деятельности Банка особого внимания также заслуживает связь между покупкой бондов и осуществлением Банком своей суверенной функции.

Таким образом, Суд установил, что Банк Маркази не может характеризоваться как компания по смыслу Договора о дружбе, тем самым поддержав юрисдикционные возражения, выдвинутые США, и заключив, что у него отсутствует юрисдикция по рассмотрению вопросов, относящихся к

<sup>19</sup> ICJ. *Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Judgement of 30 March 2023. § 16, 18-22, 31, 33, 37, 55-61, 72, 80, 84, 86.

<sup>20</sup> ICJ. *Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Qatar v. U.A.E.)*. Provisional Measures. Order of 23 July 2018.

<sup>21</sup> В решении 2019 года говорилось о том, что юрисдикция Суда не охватывает требования Ирана, касающиеся нарушений международного права суверенных иммунитетов.

активам Центробанка. Тем самым Суд склонился к консервативному пониманию статуса Банка как государственного органа, дав четкие разъяснения относительно понимания природы центральных банков в международном праве.

## 2.2. Исчерпание внутренних средств защиты

Суд отклонил возражения США относительно оспаривания приемлемости дела на основании неисчерпания Ираном внутренних средств правовой защиты. Согласно обычному международному праву государство, предъявляющее в международную инстанцию от имени своих граждан иск на основании дипломатической защиты, должно исчерпать внутренние средства правовой защиты, прежде чем иск может быть заслушан. Это требование также считается выполненным, когда отсутствуют внутренние средства правовой защиты, дающие потерпевшим разумную возможность получить возмещение.

В данном деле Суд отметил, что каждый раз, когда иранские организации добивались отмены положений федерального законодательства, поскольку эти положения несовместимы с правами, предусмотренными Договором о дружбе, суд США разрешал противоречие между Договором и национальным законодательством в пользу национального законодательства по причине более позднего времени его принятия (по сравнению с Договором). Суд пришел к выводу, что иранские организации «не имели разумной возможности успешно отстаивать свои права в судебных разбирательствах в Соединенных Штатах», и отклонил возражение США в отношении оспаривания приемлемости дела на основании неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

## 3. Рассмотрение аргументов по существу

### 3.1. О применении доктрины «чистых рук»

В первую очередь США, сославшись на действие доктрины «чистых рук», просили Суд отклонить все требования Ирана на том основании, что Иран обратился в Суд с недобросовестной жалобой. В частности, США указывали на атаку казарм миротворцев в Бейруте в 1983 году, результатом которой стала смерть американских военнослужащих. По мнению США, Иран, ссылаясь на Договор о дружбе, пытался избежать выплаты компенсации жертвам атаки. Любопытно, что данный вопрос уже рассматривался в части аргументов, относящихся к вопросу о юрисдикции, однако США ничего нового в стадию рассмотрения спора по существу не привнесли. При этом Суд в итоге отметил, что не берется утверждать, представляет ли собой доктрина «чистых рук» (англ.: *clean hands*) обычай или общий принцип права.

В соответствии с данной доктриной истцу может быть отказано в иске, в случае если он не соблюдает правовые нормы<sup>22</sup>. В решении по делу *Джадхав* (англ.: *Jadhav*) Суд уже отмечал, что считает невозможным использование данной доктрины в качестве обоснования неприемлемости дела<sup>23</sup>. Более того, в решении от 2019 года Суд уточнил, что не обязан квалифицировать правовой статус доктрины, но обратил внимание, что Комиссия по международному праву в своем Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (далее — Проект статей) также отказалась рассматривать невыполнение условий добросовестности в соответствии с доктриной «чистых рук» в качестве основания для исключения противоправности<sup>24</sup>.

В деле об *иранских активах* США предложили Суду использовать следующий тест: во-первых, наличие правонарушения или неправомерного поведения; во-вторых, вменение противоправных действий государству-истцу; в-третьих, наличие связи между правонарушением и заявлениями государства-истца; в-четвертых, достаточная степень серьезности правонарушения; в-пятых,

<sup>22</sup> Идея доктрины заключается в следующем: «тот, кто приходит за правосудием, должен приходиться с чистыми руками». *Precision Instrument Mfg. Co. v. Automotive Co.* 324 U.S. 806. 1945. Cheng B. *General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals*. New York: Cambridge University Press. 1953. P. 155; Brownlie I. *Principles of Public International Law*. 7th ed. New York: Oxford University Press. 2008. P. 503; Lauterpacht H. *Recognition in International Law*. London: Cambridge University Press. 1947. P. 420–442. Schwebel M. *Clean Hands, Principle*. Max Planck Encyclopedia of Public International Law Online. 2009. URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e18?prd=EPII> (accessed: 27.11.2023).

<sup>23</sup> *Jadhav (India v. Pakistan)*. Judgment of 17 July 2017 // I.C.J. Reports 2019 (II).

<sup>24</sup> В мае 2005 года специальный докладчик Д. Р. Дугард в рамках Комиссии международного права отметил, что несмотря на особую роль, которую играет данная доктрина в международном праве, Комиссии следует разобраться, насколько она имеет тесную связь с темой дипломатической защиты для того, чтобы включить ее в Проект статей. В результате доклада Д. Р. Дугарда Комиссия приняла решение не включать доктрину «чистых рук» в Проект статей.

наличие аналогичного правонарушения или неправомерного поведения со стороны государства-ответчика, которое позволило бы Суду отклонить применение данной доктрины.

Суд счел применимыми первый и третий пункты теста: «США не доказали, что Иран нарушил Договор о дружбе осуществлением тех действий, которые вменяли ему США»<sup>25</sup>, а также то, что между вменяемым противоправным действием и заявлениями самого Ирана отсутствует достаточная связь<sup>26</sup>. Таким образом, Суд установил, что США не предоставили достаточных оснований для использования доктрины «чистых рук» в качестве убедительного аргумента защиты по существу дела.

Таким образом, несмотря на то что Суд отклонил аргументы США, сам факт рассмотрения такого теста Судом имеет особое значение. В отличие от своего предыдущего взаимодействия с доктриной «чистых рук»<sup>27</sup>, Суд не отказался рассматривать аргумент, основанный на этой доктрине, как это было во всех остальных случаях. Более того, при анализе восьми дел, в которых одна из сторон обращалась к данной доктрине, становится очевидно, что ни в одном из них Суд не признавал и не опирался на какой-либо тест<sup>28</sup>. Вместе с этим нельзя не признать и то, что Суд в итоге оценил данный тест именно в той трактовке, в которой его предложили США, сделав выводы о неясном статусе данной доктрины, а также невыполненных условиях ее применения (согласно критериям, предложенным США).

Действительно, на данный момент не существует устоявшегося мнения относительно правового статуса доктрины «чистых рук», несмотря на ее неоднократное упоминание сторонами дела<sup>29</sup>. Таким образом, отклонение данной доктрины в этом деле очередной раз подтвердило «молчаливую» позицию Суда относительно доктрины «чистых рук».

С другой стороны, нельзя не заметить, что хотя Суд и постарался избежать однозначной трактовки, он как будто признал: факт того, что США не выполнили условия своего же теста, является лишь альтернативной аргументацией, в то время как главное — «искусственность» таких критериев.

### 3.2. Злоупотребление правом

Понятие «злоупотребление правом» в международном праве описывает ситуацию, когда одно государство осуществляет свое право таким образом, что это «препятствует осуществлению своих прав другими государствами, либо же их осуществление происходит в целях, существенно отличных от тех, ради которых изначально создавались эти права»<sup>30</sup>.

В обоснование заявления о том, что требования Ирана представляют собой злоупотребление правом, США выдвинули два тезиса. Во-первых, заявляя претензии, Иран пытается искусственно расширить свои права по Договору таким образом, который не предполагался при его заключении. Во-вторых, по мнению США, Иран пытался уклониться от обязательства по выплате репараций жертвам террористических актов. В ответ на это Иран обвинил США в подмене понятий. По мнению Ирана, вопрос злоупотребления процессуальными правами уже рассматривался Судом в решении от 2019 года, а его юридические основания и объект совпадали с аргументом о злоупотреблении правом<sup>31</sup>. Более того, Иран отметил, что успешность такого аргумента была

<sup>25</sup> ICJ. *Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Judgment of 30 March 2023. § 83.

<sup>26</sup> *Ibid.*

<sup>27</sup> ICJ. *Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. six United States of America)*. Judgment of 13 February 2019 // I.C.J. Reports 2019. P. 7. § 122.

<sup>28</sup> *Certain Phosphate Lands in Nauru (Nauru v. Australia)*. § 37–38; *LaGrand (Germany v. United States of America)*. § 61–63; *Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America)*. § 45–47; *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States)*. § 27–30; *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory*. § 63–64; *Maritime Delimitation in the Indian Ocean (Somalia v. Kenya)*. § 135–144; *Jadhav Case (India v. Pakistan)*. § 59–61; *Certain Iranian Assets (Preliminary Objections) (Iran v. United States)*.

<sup>29</sup> *PCA. Guyana v. Suriname*. Award of 17 September 2007. § 418; ICJ. *Barcelona Traction, Light, and Power Company Limited (Belgium v. Spain)*. Judgment of 5 February 1970 // I.C.J. Reports 1970; ICJ. *Phosphate Lands in Nauru (Nauru v. Australia)*. Judgment of 26 June 1992 // I.C.J. Reports 1992. § 37–38; ICJ. *LaGrand (Germany v. United States of America)*. Judgment of 27 June 2001 // I.C.J. Reports 2001. § 61, 63; ICJ. *Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America)*. Judgment of 31 March 2004 // I.C.J. Reports 2004. § 45–47; ICJ. *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Judgment of 6 November 2003 // I.C.J. Reports 2003. § 29–30; ICJ. *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory*. Advisory Opinion of 9 July 2004 // I.C.J. Reports 2004. § 63–64; ICJ. *Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo)*. Judgment of 24 May 2007 // I.C.J. Reports 2007.

<sup>30</sup> Kiss A. *Abuse of Rights*. Max Planck Encyclopedia of Public International Law Online. 2006. URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1371> (accessed: 27.11.2023).

<sup>31</sup> ICJ. *Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Judgment of 30 March 2023. § 86.

возможна только в том случае, если бы имелись доказательства недобросовестности его действий<sup>32</sup>.

Суд заключил, что США не смогли продемонстрировать доказательства того, что права, принятые Ираном по Договору, осуществлялись вразрез с целями, изначально установленными для них, и что это происходило в ущерб США. По вопросу возражения относительно «идентичности» аргументов о «злоупотреблении правом» и «злоупотреблении процессуальными правами» Суд также не согласился с доводами США, обратив внимание на их различную природу: одни относились к вопросу приемлемости, а другие — к существу спора<sup>33</sup>.

### 3.3. Исключения, связанные с производством оружия и соображениями безопасности

Исключения по соображениям безопасности (англ.: *security exception*) широко применяются на практике в рамках Всемирной торговой организации (далее — ВТО) и Генерального соглашения по тарифам и торговле (далее — ГАТТ)<sup>34</sup>, отражая потребность в «автономии для обеспечения собственной безопасности и интересов многосторонней торговой системы»<sup>35</sup>.

В своем решении Суд отклонил аргумент США о том, что исполнительный указ № 13599, блокирующий собственность иранского правительства и связанных с ним финансовых организаций, подпадает под два исключения из Договора: *меры, регулирующие производство или торговлю оружием*, и *меры, которые необходимы для основных интересов безопасности договаривающейся стороны*.

Суд не согласился с тем, что исполнительный указ подпадает под одно из названных исключений, так как меры, предусмотренные указом, лишь косвенно повлияли на производство и торговлю оружием Ираном. Кроме того, Суд постановил, что исполнительный указ не был необходим для защиты основных интересов безопасности США, отметив, что обоснования, изложенные в самом исполнительном указе, были в первую очередь финансовыми, а не связанными с соображениями безопасности.

Таким образом, Суд применил достаточно жесткий подход при толковании исключений по соображениям безопасности. Отвергнув доводы США, Суд предложил собственный критерий для определения таких исключений. В основу этого подхода легло установление причинно-следственной связи между угрозой национальной безопасности и введенными мерами. Безусловно, этот вывод Суда потенциально может иметь большое значение для интерпретации соображений безопасности в международном праве.

### 3.4. О материально-правовых нормах: нарушение Договора о дружбе со стороны США

Иран заявил о нарушении сразу шести положений различных статей Договора о дружбе. В основе заявленных Ираном нарушений лежала совокупность законодательных, исполнительных и судебных мер США, принятых с 2002 года (в частности, речь идет о пункте 201(a) TRIA, 1610 (g) (1) FSIA, а также об исполнительном указе 2012 года № 13599).

Примечательно, что Суд отказался рассматривать исполнительный указ № 13599 в той части, в какой он затрагивал Банк, так как ранее Суд уже постановил, что не обладает юрисдикцией для рассмотрения нарушений статей 3, 4 и 5 Договора о дружбе, связанных с Центробанком.

### 3.5. О правосубъектности иранских компаний и дискриминации

Пункт 1 статьи 4 Договора о дружбе предусматривает справедливое и равное обращение (далее — ФЕТ) и запрещает США и Ирану принимать необоснованные или дискриминационные меры в отношении граждан или компаний друг друга.

Иран утверждал, что США игнорировали правосубъектность иранских компаний на своей территории и что меры США в соответствии с разделом 201 (a) TRIA, разделом 1610 (g) FSIA и исполнительным указом № 13599, были необоснованными. В частности, речь шла о следующих мерах:

<sup>32</sup> Ibid. § 87.

<sup>33</sup> Ibid. § 88.

<sup>34</sup> Russia—Measures Concerning Traffic in Transit; United Arab Emirates—Measures Relating to Trade in Goods and Services; Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights; United States—Certain Measures on Steel and Aluminium Products; Saudi Arabia – Measures Concerning the Protection of Intellectual Property Rights.

<sup>35</sup> Voon T. *The Security Exception In WTO Law: Entering a New Era*. AJIL Unbound, 2009. Vol. 113. P. 45–50.

1) согласно разделу 201 (a) TRIA, в случае если лицо получало судебное решение в отношении требования о возмещении вреда, причиненного в результате террористического акта, или требования, в рамках которого в отношении террористической стороны не действует иммунитет, предусмотренный разделом 1605 (a) (7) FSIA, то активы лица или организации, обозначенных как «террористическая сторона», в соответствии с законодательством США подлежат аресту и впоследствии используются для компенсации ущерба, причиненного террористической стороной;

2) поправки к разделу 1610 FSIA, которые расширяли категории активов, доступных для удовлетворения судебных требований, и включали в них все имущество государственных организаций государств из списка «государств — спонсоров терроризма»;

3) согласно исполнительному указу № 13599, все активы правительства Ирана должны были быть заблокированы, включая активы Банка Маркази и других иранских финансовых институтов, если эти активы находились на территории США или «во владении или под контролем любого американского лица, включая любой иностранный филиал».

В своих требованиях Иран заявил, что, во-первых, принцип справедливого и равноправного обращения не совпадает с минимальным стандартом обращения. Во-вторых, он заявил, что установление нарушения, затрагивающего обеспечение справедливого и равноправного обращения, требует определить: во-первых, произвольность действий; во-вторых, дискриминационный характер; в-третьих, отсутствие надлежащей правовой процедуры или, в-четвертых, несоответствие законным ожиданиям граждан и компаний. Иран утверждал, что даже при ограничительном толковании имел место отказ в правосудии, поскольку введенные ограничения ущемляли правосубъектность иранских компаний.

США, в свою очередь, ответили, что справедливое и равноправное обращение отражает один из главных компонентов минимального стандарта обращения, а именно защиту от отказа в правосудии. При этом положения о дискриминационных и эффективных мерах по смыслу статьи Договора не устанавливают определенных обязанностей по соблюдению этих мер. США также отметили, что принятые ими меры были направлены на борьбу с террористическими актами, а введенные санкции касались только государственных акторов, а не частных компаний Ирана.

В своих выводах Суд заявил о том, что Договор не предусматривает применения минимального стандарта обращения. Далее он заключил, что мера будет считаться необоснованной в соответствии с Договором о дружбе, если она не преследует законной общественной цели, если между преследуемой целью и принятой мерой нет надлежащей связи или если она явно чрезмерна по отношению к цели.

Несмотря на то, что меры США теоретически могли бы преследовать законную публичную цель предоставления эффективных средств правовой защиты истцам, которым присуждено возмещение убытков, Суд счел законодательные меры явно чрезмерными. Так как законодательные акты США использовали очень широкие термины, они могли охватить любое юридическое лицо, независимо от степени или типа контроля над ним со стороны Ирана. В этом смысле США несправедливо сняли «корпоративную завесу» (англ.: *corporate veil*), рассмотренную Судом ранее в деле «Барселона Трэкин», и проигнорировали самостоятельную правосубъектность иранских компаний.

Кроме того, Суд счел исполнительный указ № 13599 явно чрезмерным по отношению к цели реагирования на «постоянную поддержку террористических актов»<sup>36</sup> Ираном, поскольку он слишком широко применялся к «любому иранскому финансовому учреждению»<sup>37</sup>.

Таким образом, Суд дал широкое толкование стандарта справедливого и равноправного обращения, отвергнув позицию США о том, что применимый стандарт для FET был просто минимальным стандартом обращения в соответствии с обычным международным правом, поскольку Договор о дружбе не содержал подобного прямого ограничения.

<sup>36</sup> ICJ. *Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Judgment of 30 March 2023. § 157.

<sup>37</sup> *Ibid.*

### 3.6. О стандарте справедливого и равного обращения, разумности и дискриминации: что есть разумность?

Еще одной особенностью решения Суда в деле *Некоторые иранские активы* стало использование и интерпретация стандартов и принципов международного инвестиционного права, а также толкование стандарта разумности.

Параграф 1 статьи 4 Договора обязал стороны придерживаться принципа справедливого и равного обращения, а также воздерживаться от применения неразумных или дискриминационных мер, нарушающих их законные права и интересы.

Иран заявил, что стандарт справедливого и равного обращения не привязан к минимальному стандарту обращения, закреплённому в международном обычном праве. По его мнению, доказывание нарушения этого стандарта должно подчиняться следующей логике: во-первых, установить, является ли поведение государства произвольным, вопиющим, несправедливым, уникальным, во-вторых, дискриминационным, в-третьих, отступающим от надлежащей правовой процедуры, либо же, в-четвертых, подрывающим законные ожидания иранских граждан и компаний.

По вопросу о разумных и дискриминационных мерах Иран указал, что критерий разумности предполагает доказывание надлежащей взаимосвязи между целями государственной политики и мерами, принимаемыми для ее реализации, при этом отметив, что при оценке разумности суды также часто ссылаются на концепцию пропорциональности или соразмерности.

США отвергли аргумент Ирана о стандарте справедливого и равного обращения, заявив, что последний отражает минимальный стандарт обращения, а «разумные или дискриминационные меры» не составляют самостоятельных обязательств, являясь частью стандарта ФЕТ. Однако даже при принятии критериев, предложенных Ираном, США заявили, что не нарушили параграф 1 статьи 4 Договора ввиду того, что оспариваемые меры разумно относились к политике сдерживания терроризма через арест государственных, а не частных активов, а потому были пропорциональными. По мнению США, меры также сложно считать дискриминационными ввиду их применения ко всем государствам — спонсорам терроризма, а не только к Ирану.

В своем решении Суд опроверг интерпретацию, предложенную США, согласно которой обязательства, закреплённые в статье 4, стоит рассматривать в совокупности, так как они не составляют самостоятельных обязательств. Анализ содержания минимального стандарта защиты, по мнению Суда, также не являлся необходимым ввиду отсутствия упоминания такого стандарта в тексте статьи. Более того, суд также разграничил неразумность и дискриминационность как два разных стандарта, при этом начав с оценки неразумности мер.

По мнению суда, понятие «неразумный» означает «нечто, лишённое рационального обоснования»<sup>38</sup>. Так, например, в деле *Коста-Рика против Никарагуа* Суд заявил, что для анализа разумности требуется не просто заявление в общем виде, но конкретные и специфические обстоятельства дела, которые в итоге определяют решение суда<sup>39</sup>. Таким образом, Суд отметил, что понимание разумности может меняться от дела к делу в зависимости от обстоятельств, при этом сразу же пояснив, что в данном деле будет определять неразумность меры по смыслу Договора о дружбе на основании определенных критериев.

В этой связи Суд обозначил три элемента для определения «разумности» меры: законная общественная цель, связь между средствами и целями и соразмерность между целью и результатами.

Во-первых, Суд посчитал законной целью предоставление компенсации жертвам террористических атак, ответственным за которые суды США признали Иран. Суд отметил, что обеспечение эффективных средств правовой защиты тем истцам, кому была присуждена компенсация, составляет легитимную общественную цель. Во-вторых, для теста также необходимо установление связи между преследуемой целью и принимаемой мерой. По мнению Суда, арест может соответствовать цели предоставления компенсации. Наконец, немалую роль играет и соразмерность цели и результатов. В частности, мера не будет считаться разумной, если ее негативное воздействие чрезмерно по отношению к преследуемой цели. Например, в деле

<sup>38</sup> ICJ. *Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Judgment of 30 March 2023. § 146.

<sup>39</sup> ICJ. *Dispute regarding Navigational and Related Rights (Costa Rica v. Nicaragua)*. Judgment of 13 July 2009 // I.C.J. Reports 2009. P. 253. § 101.

*Коста-Рика против Никарагуа* Суд дал следующее определение термину разумности: «Мера не должна быть неразумной в том смысле, что ее негативное воздействие на осуществление права не должно быть чрезмерным в сравнении с той защитой, которая предоставляется изначальной цели»<sup>40</sup>.

Однако Суд посчитал, что даже если законодательные положения США и их применение судами преследовало легитимную общественную цель, они нанесли чрезмерный ущерб иранским компаниям, а это несоразмерно изначальной цели. Так, например, Суд обратил внимание на то, что цель введения исполнительного указа № 13599 заключалась не в предоставлении компенсации, но в ответе на поддержку Ираном террористической деятельности. Так как сфера действия данного указа распространялась на всю собственность любого иранского учреждения, такая мера, по мнению суда, была явно чрезмерной по отношению к своей цели.

В довершение всего Суд заключил, что положение параграфа 1 статьи 4 Договора о дружбе не является кумулятивным критерием, так как разделительный союз «или» свидетельствует о том, что для нарушения нормы достаточно будет доказать одно из двух: либо неразумность мер, либо их недискриминационный характер. В связи с этим Суд логично посчитал необязательным рассматривать вопрос дискриминации, так как неразумность мер уже была установлена.

Таким образом, поскольку в международном праве отсутствует общепринятый подход к определению разумности, спор относительно содержания этого понятия как никогда актуален. Отсутствие у сторон четкого представления о том, как следует понимать разумность, — как стандарт, концепцию, принцип или метод установления фактов — может обернуться не только спором между сторонами относительно определения этого понятия, но и противоречиями в логике суда. И хотя Суд в деле *Некоторые иранские активы* выделил собственный тест для оценки разумности действий США, применение этого теста к обстоятельствам дела кажется поспешным. Суду стоило уделить больше внимания стандарту, ставшему главным яблоком раздора не только в аргументации сторон настоящего дела.

### 3.7. О защите права собственности и экспроприации

Параграф 2 статьи 4 Договора о дружбе закрепил принцип постоянной защиты и безопасности (далее — ФПС), а также установил запрет изъятия имущества, кроме как в общественных целях и при условии своевременной выплаты справедливой компенсации. Нарушения, заявленные Ираном, заключались в незаконной экспроприации США иранских активов, а также в нарушении стандарта защиты и безопасности. В ответ на предложенную США в качестве аргумента «полицейскую доктрину» Иран отметил, что данная доктрина не упоминается ни в тексте, ни в *travaux préparatoires* Договора. Более того, введенные меры не были направлены на всеобщее благо и являлись дискриминационными. Таким образом, Суду предстояло снова рассмотреть вопросы, в основном касающиеся стандартов международного инвестиционного права.

США заявили, что принцип постоянной защиты и безопасности не распространяется на юридическую защиту. Так как собственность иранских компаний никогда не подвергалась захвату или другим формам ущерба, США не нарушили данный стандарт.

При этом Суд отметил, что судебное решение относительно распоряжения собственностью само по себе не может быть приравнено к экспроприации. Вместо этого, чтобы экспроприация подлежала компенсации, в таком решении должен присутствовать элемент противоправности. Суд далее указал, что элемент противоправности встречается, например, в результате отказа в правосудии. Для этого он счел нужным проанализировать законодательные, исполнительные и судебные акты США в совокупности.

В итоге Суд постановил, что изъятие активов с помощью судебных мер в сочетании с определенным элементом незаконности, таким как отказ в правосудии или незаконное осуществление властных полномочий, может быть равносильно незаконному изъятию или экспроприации. Любопытно, что Суд также вновь обратился к понятию разумности, определив ее как одно из условий, ограничивающих осуществление государственной власти и заключив, что меры, предпринятые США, были «неразумными», а потому являлись не законным осуществлением своих полномочий, а экспроприацией в нарушение статьи 4 Договора.

<sup>40</sup> ICJ. *Dispute regarding Navigational and Related Rights (Costa Rica v. Nicaragua)*. Judgment of 13 July 2009 // I.C.J. Reports 2009. P. 249–250. § 87.

Далее, в отношении применимости доктрины «полицейских полномочий государства» (англ.: *police powers doctrine*), Суд заметил, что хотя государственные полномочия могут осуществляться для защиты общественного блага, такие полномочия не безграничны.

В отношении предоставления полной защиты и безопасности Суд отметил, что ключевым элементом ФПС считает принцип защиты собственности от физического вреда, а не юридического. Более того, Суд предупредил об опасности размывания стандарта в случае включения в него юридической защиты наряду с физической.

Таким образом, несмотря на то, что Суд отказался применять широкое толкование положения о ФПС, не включив в него понятие юридической защиты, доводы Суда относительно приравнивания к незаконной экспроприации мер, принятых США, предстают логичными и обоснованными. В итоге Суд показал, что введение экономических ограничений не всегда совпадает с осуществлением обычных регуляторных полномочий, а государствам необходимо внимательно следить за тем, чтобы ни первые, ни вторые не оказывали деструктивного влияния на ведение бизнеса.

В то же время Суд применил стандарт неразумности в качестве теста для определения незаконности экспроприации, отклонившись от стандарта, принятого в международном праве.

### 3.8. О свободе торговли

В своем решении 2023 года Суд согласился с доводом Ирана о том, что США нарушили свои обязательства в соответствии с пунктом 1 статьи 10 Договора о дружбе по обеспечению «свободы торговли» для иранских компаний. По мнению Суда, понятие «торговли» следует интерпретировать широко, включая в него все виды коммерческой деятельности.

Суд сделал любопытное замечание, обратив внимание на тот факт, что на момент принятия ограничительных мер торговые отношения между сторонами все еще существовали. В итоге Суд заключил, что исполнительный указ № 13599, а также меры, принятые в соответствии с TRIA и FSIA, могут быть квалифицированы как фактическое препятствие любой финансовой операции, проводимой Ираном или иранскими финансовыми учреждениями в США.

При этом судья Х. Чарльзворф в особом мнении заявила, что Иран не представил достаточных доказательств того, что США нарушили статью о свободе торговли. Она сослалась на решение по делу *Нефтяные платформы* (англ.: *Oil Platforms*), в котором Суд указал на необходимость доказательства реального вмешательства в торговлю для установления нарушения.

## 4. О выплате компенсации

В заключение Суд установил, что Иран имеет право на компенсацию за ущерб, причиненный нарушениями со стороны США, которые были установлены Судом. При этом он отметил, что соответствующий ущерб и размер компенсации могут быть оценены только на последующем этапе разбирательства. В том же случае, если стороны не смогут договориться о сумме компенсации Ирану в течение 24 месяцев, Суд по просьбе любой из сторон определит такую сумму. В связи с этим можно предположить, что в свете напряженных отношений между странами договориться сторонам вряд ли удастся и Суду предстоит вновь обращаться к данному делу.

## 5. Об особых мнениях

Нельзя оставить без внимания и беспрецедентное количество особых мнений и деклараций, подготовленных судьями Международного Суда в рамках данного дела: 13 из 15 судей опубликовали отдельные и особые мнения относительно ключевых вопросов спора.

Так, одной из главных правовых проблем, вызвавших разногласия среди судей, стал вопрос о статусе Центробанка и распространении на него юрисдикции Международного Суда. В своем решении по предварительным возражениям от 2019 года Суд указал, что «ничто *a priori* не препятствует тому, чтобы одна организация занималась как деятельностью коммерческого характера (или, в более широком смысле, предпринимательской деятельностью), так и суверенной деятельностью»<sup>41</sup>. Помимо этого, Суд посчитал, что «поскольку именно характер фактически осуществляемой деятельности определяет квалификацию, данное юридическое лицо должно рассматриваться как «компания» по смыслу Договора в той мере, в какой оно занимается

<sup>41</sup> ICJ. *Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Preliminary Objections. Judgment of 13 February 2019 // I.C.J. Reports 2019 (I). P. 38–39. § 44.

деятельностью коммерческого характера, даже если она не является его основной деятельностью»<sup>42</sup>.

Именно применение Судом теста, отличного от теста, примененного им же несколькими годами ранее, привело к тому, что некоторые судьи посчитали более правильным следовать стандарту решения 2019 года. И действительно: почему Суд, изначально оценивший характер деятельности как ключевой фактор для квалификации юридического лица как коммерческой компании, несколько лет спустя неожиданно выбрал главным критерием цель деятельности, а не ее характер? Неудивительно, что такое непостоянство методологии и логики Суда стало основой для острых разногласий среди судей. Например, как заявил судья А. Юсуф в своем отдельном мнении, анализ Суда противоречит критериям, установленным им же в 2019 году. По мнению судьи, «суть спора» заключалась не в том, чтобы охарактеризовать Банк Маркази как коммерческую компанию, а в том, чтобы сделать это «в свете тех операций, которыми занимался Банк на территории США в соответствующее время»<sup>43</sup>. Таким образом, суверенная функция Банка не может исключать осуществления им деятельности, коммерческой по своей природе.

Помимо этого, нюансы такого решения, связанные с определением размера компенсации также не остались незамеченными<sup>44</sup>. Дело в том, что требования Ирана, связанные с Банком Маркази, составляли почти 2 миллиарда долларов, в то время как остальные его требования едва превышали 25 миллионов. В свете этого представляется любопытным, на чем в действительности основывалось решение Суда отступить от своей аргументации в отношении характеристики Банка.

Таким образом, как верно заметил судья М. Беннуна, в данном деле отсутствует преемственность между аргументацией решения 2019 года по предварительным возражениям и аргументацией решения по существу 2023 года<sup>45</sup>. Тем не менее преемственность очевидно необходима для поддержания доверия не только к Суду, но и авторитета международного права в целом. Непоследовательность логики суда в решении по предварительным возражениям и решении по существу представляет собой исключительный случай. Безусловно, подобное возможно при наличии «веских причин»<sup>46</sup>, однако в данном деле такие причины либо отсутствовали, либо вовсе не были затронуты самим Судом.

Следующим вопросом, разделившим мнения судей, стала проблема оценивания незаконной экспроприации, а также принцип разумности, примененный судом в данном контексте. Судья Д. Сибутинде в своем особом мнении заявила о несогласии с тем, что действия США являлись экспроприацией. По ее мнению, действия США были *bona fide* недискриминационным осуществлением полицейских полномочий государства, направленных на достижение законных целей: защиту жертв террористических атак<sup>47</sup>. В то же время, как верно заметила судья Х. Чарльзворф, остается неясным, почему в решении Суда понятие «неразумности» вытесняет устоявшиеся стандарты определения законности экспроприации<sup>48</sup>. В связи с этим вновь кажется очевидным, что Суду в аргументации своего решения стоило уделить больше внимания интерпретации одного из самых противоречивых стандартов международного права, а также обоснованности его применения в контексте экспроприации.

Помимо этого, решение Суда относительно того, что своими действиями США нарушили положение договора о свободе торговли, также вызвало разногласия среди судей. Так, например, по мнению некоторых судей, Иран не предоставил достаточных доказательств вмешательства США. В частности, судья П. Томка посчитал, что такие действия США были вызваны необходимостью «исполнения судебных решений», о чем в 10 статье не говорится вовсе<sup>49</sup>. Более

<sup>42</sup> *Ibid.*

<sup>43</sup> ICJ. *Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Judgment of 30 March 2023. Separate opinion of Judge Yusuf. § 15.

<sup>44</sup> ICJ. *Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Judgment of 30 March 2023. Separate Opinion of Judge Benouna. § 1.

<sup>45</sup> ICJ. *Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Judgment of 30 March 2023. Separate Opinion of Judge Benouna. § 12.

<sup>46</sup> *Ibid.*; ICJ. *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia)*. Preliminary Objections. Judgment of 18 November 2008 // I.C.J. Reports 2008. P. 429. § 54.

<sup>47</sup> ICJ. *Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Judgment of 30 March 2023. Separate Opinion of Judge Sebutinde. § 30.

<sup>48</sup> ICJ. *Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Judgment of 30 March 2023. Separate Opinion of Judge Charlesworth. § 2.

<sup>49</sup> ICJ. *Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Judgment of 30 March 2023. Separate Opinion of Judge Tomka. § 33.

того, как отметила судья Х. Чарльзворф, многие действия государств, в том числе регулятивные меры, неизбежно влияют на состояние торговли прямым или косвенным образом<sup>50</sup>.

Кроме того, вызывает вопросы аргументация Суда в отношении правового статуса, а также применимости доктрины «чистых рук» к обстоятельствам дела. Так, несмотря на то, что Суд отметил правовую неопределенность данного принципа, в той же части решения Суд поспешил установить тест для анализа «чистых рук» как одного из главных аргументов США. В связи с этим кажется странным то обстоятельство, что ни один из судей не выразил мнения относительно вопроса применения доктрины «чистых рук». Однако именно особые мнения позволили разглядеть главные точки расхождения взглядов судей, вынесших решение по данному делу.

## Заключение

На сегодняшний день международному праву не чуждо отражение политических ценностей, интересов и предпочтений различных международных акторов<sup>51</sup>. Однако решение Суда в деле *Некоторые иранские активы* говорит не только о способности государств оспаривать экономические санкции в Международном Суде, но и об открытости Суда к оцениванию как материально-правовых норм, так и различных доктрин при вынесении решения о легальности ограничительных мер (например, доктрины «чистых рук»).

Действительно, решение по делу *Некоторые иранские активы* представляется одним из самых ярких в практике Суда за последнее время: и с точки зрения оценки правовой природы экономических санкций, данной Судом через призму Договора, и с точки зрения вопросов определения статуса Центробанка, доктрины «чистых рук» и другого. В то же время подход Суда в данном деле сложно назвать определенным. Так, Суд отступает от многих своих заявлений, сделанных в решении 2019 года, тем самым избегая признания юрисдикции над Центральным банком Ирана, что демонстрирует степень осторожности, с которой Суд оценивает легальность экономических санкций. Неоднозначной можно считать и половинчатую «победу», о которой на данный момент заявили обе стороны спора. И хотя решение Суда неизбежно способствует росту прецедентов оспаривания экономических санкций США со стороны других стран, США уже обозначили решение Суда как «крупный успех»<sup>52</sup>, в то время как Министерство иностранных дел Ирана назвало решение «доказательством правоты Ирана и нарушений стороны США»<sup>53</sup>. Действительно, хотя в свете напряженной политической обстановки в мире, а также в отсутствие выплаченной компенсации заверения об однозначной победе одной из сторон кажутся преждевременными, настоящее решение Суда сложно не назвать судьбоносным в долгосрочной перспективе: именно оно приоткрыло завесу над тем, где заканчиваются границы экономического принуждения и — что главное — можно ли их оспорить.

---

## COMMENTARY ON THE JUDGMENT OF THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE OF 30 MARCH 2023, ON CERTAIN IRANIAN ASSETS (ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN V. UNITED STATES OF AMERICA)

POLSHAKOVA V.

Victoria Polshakova — Junior Associate, “Kovalev, Tugushi and Partners”<sup>54</sup>, Moscow, Russia (polshakovavv@yandex.ru).  
ORCID: 0009-0008-8121-839X

## Abstract

This article discusses the judgment of the International Court of Justice in the case *Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America)* concerning the US' alleged violations of Treaty of Amity, Economic Relations and Consular Rights, which had been concluded between the US and Iran on 15 August 1955. The author discusses the features and historical

---

<sup>50</sup> ICJ. *Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Judgment of 30 March 2023. Separate Opinion of Judge Charlesworth, Separate Opinion of Judge Charlesworth. § 9.

<sup>51</sup> Koskeniemi M. *From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument*. New York : Cambridge University Press. 2005.

<sup>52</sup> Press Statement of Vedant Patel, Principal Deputy Spokesperson, on Judgment in Certain Iranian Assets Case dated March 30. URL: <https://www.state.gov/judgment-in-certain-iranian-assets-case/> (дата обращения: 27.11.2023).

<sup>53</sup> Iranian Foreign Ministry's Statement About the Ruling of the International Court of Justice Dated March 30. URL: <https://en.mfa.ir/portal/newsview/715766> (дата обращения: 27.11.2023).

<sup>54</sup> Information about the author's place of work is relevant at the time of acceptance of the article for publication.

background of the US counter-terrorism legislative policy, as well as the subsequent judicial responses of the US legislative and executive bodies imposing restrictive measures against Iran. Notably, despite the fact that there are currently about 300 multilateral and bilateral treaties providing for the jurisdiction of the ICJ in the event of a dispute, only a handful of disputes concerning economic sanctions have reached the ICJ, making the recent judgment particularly important. The article mirrors the Court's reasoning, starting with questions of jurisdiction and admissibility with respect to the legal status of the Central Bank of Iran Markazi and the exhaustion of local remedies. The author concludes that in its characterization of Markazi, the Court leaned towards a conservative understanding of the Central Bank's status as a state organ, offering clear argumentation on the understanding of the nature of central banks in international law. The author also discusses substantive issues, including the status and applicability of the "clean hands" doctrine in international law, the "abuse of right" doctrine, the arms production and security exceptions, the legal personality of Iranian companies, and discrimination. In its judgment the Court even considered international investment law issues, i.e., the standards of fair and equitable treatment and reasonableness. The author concludes that the Court applied the "reasonableness" standard as a test for determining the unlawfulness of expropriation, thus deviating from the standard accepted in international law. The article also discusses the dissenting opinions and declarations written by 13 of the 15 ICJ judges in the case. Finally, the author raises a question on whether the Court's findings constitute the revolutionary approach at identifying the legal borders of economic sanctions, or rather a cautious one aimed at finding the balance between *legal* and *fair*.

## Keywords

due diligence economic sanctions, restrictive economic measures, International Court of Justice, jurisdiction of the ICJ, US-Iran conflict, immunities of states

**Citation:** Polshakova V.V. Kommentarii k resheniyu Mezhdunarodnogo Suda ot 30 marta 2023 goda po delu "Nekotorye iranskije aktivy (Islamskaya respublika Iran protiv Soedinennykh Shtatov Ameriki)" [Commentary on the Judgment of the International Court of Justice of 30 March 2023, *On Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*]. Zhurnal VSHÉ po mezhdunarodnomu pravu (HSE University Journal of International Law). 2023. Vol. 1. No. 3. P. 98–111. (In Russian).

<https://doi.org/10.17323/jil.2023.18752>

---

## References / Список источников

- Brownlie I. (2008). *Principles of Public International Law*, 7th ed. New York: Oxford University Press.
- Cheng B. (1953). *General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals*. New York: Cambridge University Press.
- Goldmann M. (2022). Hot War and Cold Freezes. *Verfassungsblog on matters constitutional*. Available at: <https://verfassungsblog.de/hot-war-and-cold-freezes/>.
- Herik L. (ed) (2016). *Research Handbook on UN Sanctions and International Law*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing.
- Kiss A. (2006). Abuse of Rights. *Max Planck Encyclopedia of Public International Law Online*. Available at: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1371>.
- Koskeniemi M. (2005). *From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument*. New York: Cambridge University Press.
- Lauterpacht H. (1947). *Recognition in International Law*. London: Cambridge University Press.
- Meyer J. (2009). Second Thoughts on Secondary Sanctions. *University of Pennsylvania Journal of International Law*, vol. 30, pp. 905–968.
- Schwebel M. (2009). Clean Hands, Principle. *Max Planck Encyclopedia of Public International Law Online*. Available at: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e18?prd=EPIL>.
- Voon T. (2019). The Security Exception In WTO Law: Entering a New Era. *American Journal of International Law*, vol. 113, pp. 45–50.